

4 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Парикмахерская напротив Штаба на Невском. Отощавшие девушки в грязных халатах, надетых поверх пальто, в валенках с галошами, с посиневшими от холода пальцами. Белье грязное, со следами чужих волос. Одеколор «а-ля Ленинград» — 20% спирта, остальное — хвойная вода. Однако освежает, и даже запах у него приятный, бодрящий. Старушка-гардеробщница — типичный дистрофик. Опухшее лицо, голодные, беспокройные глаза.

Издрка в парикмахерской появляется довольно упитанные, краснощекие военные, в основном моряки и летчики. Садятся в кресло и начинают как ни в чем не бывало болтать с отощавшими девушками.

Но большинство клиентов — ленинградцы. На них просто страшно смотреть. До того заросли и покрылись коростой грязи. Спутанные, давно не чесанные волосы на голове. Грязные ключья вместо бороды. Черные шеи и щеки, закопченные у огня буржуйки. Сядет такой пещерный житель перед зеркалом и с удивлением взирает, как постепенно бритвой и ножницами приводят его умытые руки в благообразный вид. Причешут, подстригут, побрызгают, спрыснут хвойной водичкой — и, смотришь, новый человек выходит на улицу. Правда, еще он бледен и худощав. Но видно, не дойдет уже до той страшной грани запущенности, в какой он был.

Великое дело парикмахерская!

Это как символ возрождения, как луч надежды.

Ленинградцы названы мучениками. Многих не стало в эти месяцы зимней блокады. Никто и ничто не сравнится с этим подвигом миллионов. Голод, да такой, что хоть жуй стены. Холод, грязь, обстрелы, бомбежки, мертвечи на улицах.

Но вот пришла весна. На улицах Ленинграда заиграло солнце. Появилась надежда.

Впрочем, это оптимистическое излияние было прервано самым внезапным образом. Среди бела дня при ясном небе началась воздушная тревога. Настоящее открытие весеннего сезона!

Прилетело штук пятьдесят самолетов. Сигнала мы не слышали, так как все это хозяйство — служба оповещения, хорошо налаженная с осени, как и многое в Ленинграде, — расстроилось. Сразу услышали зенитную пальбу. С каждой минутой темп ее все больше нарастал, пока наконец звуки выстрелов не слились в сплошной гул.

Когда мы выбежали на улицу, все небо над центром города, над Невой было покрыто пятнышками разрывов. Феерическое зрелище! Буквально тысячи вспышек! Били еще и транслирующими цветными снарядами.

Немцев сначала была видна пара самолетов, потом еще один. На средней высоте они прошли над Невой и повернули куда-то к Петроградской стороне. Потом друг за другом стали появляться все новые бомбардировщики. Выскакивали они прямо из пелены разрывов и, пролетев немного, резко пикировали. Мы увидели, как они высвывают бомбы по три штуки, точно яйца из-под брюха.

Еще несколько бомбардировщиков пошли прямо на Штаб. Чтобы не стоять чучелом на улице, мы укрылись в бюро пропусков. Там хоть сооружены дополнительные балки из бревен.

На Невском проспекте. Солдаты несут отремонтированные винтовки из цеха, созданного в Институте связи (наб. р. Мойки, 61). Фото Григория Чертова.

Перед афишей кинотеатра «Художественный». Декабрь 1941-го. Фото Николая Хандогина.

Посадка в трамвай эвакуируемых ленинградцев. Фото Григория Чертова.

Первый раз я видел сегодня такое наглое пикирование над городом. И первый раз был такой сумасшедший артиллерийский огонь. Казалось, каждая крыша посылает в небо снаряды. Видимо, у нас изрядно укрепили зенитную оборону. И снарядов не жалеют совсем. Точно и осады никакой нет.

Пара бомб упала совсем рядом — у Дворцового моста на набережной. По набережной шел трактор — его скрючило и отбросило на десяток метров. Тракторист загорелся и, превратившись в живой факел, погиб. Всего шесть трупов на набережной насчитал Потехин. Одного мальчонку пришибло. Какому-то военному осколок снес полголовы. Так немцы открыли весенний сезон в Ленинграде.

По этому поводу много острят. Но по правде говоря, настроение от этих острот не становится бодрее. Опять предстоят мучительные сидения в подвале, опять знакомый вой и сотрясения почвы!

Наши истребители появились под конец бомбежки и, видимо, ничего особенного не сотворили. Так что немцы о нас, грешных, не забывают.

5 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Пасха. Солнце в окне. Голубое небо, выходной день. Не хватает только

Следом за генеральной уборкой города Ленсовет распорядился открыть парикмахерские. С трудом разыскали мастеров. А ведь нужны еще и дрова, электрическое освещение, одеколор. В теперешних условиях это проблема...

крашенных яиц. Но о куличах, творожной пасхе, крашенках и вспоминать не хочется. Хорошо бы в бабки сыграть. Помню, когда в апреле подсыхала южная сторона нашего Советского переулка, мы выходили играть в бабки. Причем сражения всякий раз разгорались именно с Пасхи. Ведь к празднику забивалось много скота. Варились корыта, ушаты, тазы студня. Ребятам доставались наконец коровьи кости. Особенным мастерством удара отличался Пим Пирогов. У него была такая бита, налитая свинцом, что, как говорится, не садись лучше играть. Эх, детство, лучезарная пора!

Вчера немцы открыли весенний сезон бомбежкой. Прорвалось больше сотни самолетов. Отбомбились. В порту что-то горит. Бомбы в Держинском районе, на Марсовом поле, у Лебяжьей канавки.

Ночь спектакль повторился. Опять грохотали зенитки, особенно мощно с кораблей. Стекла дребезжат, бомбы падали где-то недалеко. Видно, большие — даже стены вибрируют. В общем, Страстная суббота.

7 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Опубликовано официальное коммюнике по поводу предпасхального налета на Ленинград. Участвовало более ста самолетов, сбито зенитками тринадцать бомбардировщиков, истребителями — еще пять. Дрался с ними мой друг Мацкевич, ныне уже капитан. Бомбежка была довольно интенсивной. Видел следы ее поблизости со мной, на улице Пестеля, у Летнего сада и на Марсовом поле. И чего они прицепились к этому району, никак не пойму. Гранитный дом на Пестеля обезображен взрывной волной. Стеклопанель купол напротив снесло целиком. Битое стекло на панели, обломки изуродованного грузовика...

Я сдал сегодня очерк о тридцати раненом. Нашел его в гос-

Трамвай на Университетской набережной. Фото Николая Хандогина.

питале на Садовой. Сержант Александр Кайлов, в прошлом котельщик из Кирова. На фронте пробыл не больше месяца. Все остальное время был в госпиталях. Не везет человеку! Только вылетится — и снова ранен! Весь изрешечен, а дух боевой.

9 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Вчера, как я ни противился, меня все-таки отправили в командировку в армейскую газету «Знамя Победы», редакция которой помещается в Осиновой Роше. Поезд дошел без задержек. На станции нас с Риссом ждала редакционная полторка.

Видел вчера эвакуацию ленинградцев на Финляндском вокзале. Женщины, дети, какие-то старики... Огромные очереди за хлебом, за обедом, еще за чем-то... Гремят чайники... Вещевые мешки, дорожные корзинки, бледные лица, спертый воздух, озлобленная ругань между собой. Бедные, бедные дистрофики... Сколько мытарств ждет их в пути, а все же это лучше, чем оставаться в Ленинграде.

Эвакуация организована сквернейшим образом. Никаких распорядителей или администраторов на перроне. Пока мы с Риссом стояли в ожидании состава (поезд до Ладоги, мы же едем до Сестрорецка), к нам обратились десятка полтора женщин с самыми различными вопросами. Чего бы стоило вместо плакатов на стене посадить в зале толкового администратора. Эх, безрукость наша!

Поезд переполнен. В вагонах темнота и разговоры военного времени. О муже, который в госпитале, о 125 граммах хлеба («слава богу, пережили это время!»). О бомбежке в пасхальную ночь.

И никто не проверяет билетов, никто не спрашивает пропусков. Куда только делась летняя всеобщая подозрительность, когда на улицах Ленинграда хватили каждого, кто как-то неправильно посмотрел или неловко повернулся или, упаси боже, вынул из кармана блокнот.

Видно, от тягот и переживаний исчезла и маниакальная подозрительность.

10 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Сижу в роте разведчиков погранбригады. Приехал сюда лишь вчера с Лифшицем и Меркурьевым. Оба, кстати, батальонные комиссары.

Пасмурный день, снег тает на лету. Дорогу катастрофически развезло. В Сестрорецке упорно ходят слухи, что с финской стороны готовится удар, что в Выборге хозяйничает Клейст, битый под Ростовом. Пленный финн сообщает, что вся Финляндия наводнена немцами. Как-то это неутешительно.

Сестрорецк поражает своей пустышностью. Точно здесь кипела жизнь и остановилась. Все говорит о том, что жизнь была, — и улицы, и дома, и огромная машина опустевшего завода. Мертвая зона начинается сразу за мостиком через реку Сестру, который носит «лимонадное» название — «Шипучий мостик»... Выразительная деталь: на одной из улиц города я увидел целехонький ларек «Минводь». За стеклом виднелись новенький сатуратор и никелированный насос. На стойке стояли две пивные кружки, причем одна из них наполовину наполненная пивом. Точно продавец, стоявший за стойкой, вышел всего на минуту.

Фронт здесь тихий. Хотя все упорнее носят слухи о предстоящих баталиях. В городе почти не слышно стрельбы, лишь изредка — короткая пулеметная очередь. Лишь через час — по орудийному выстрелу. Поэтому он почти не пострадал.

Дети в Сестрорецке. Апрель 1942-го. Фото Льва Прусына.

Похороны по-ленинградски. Фото В. Федосеева.

Кажется, что отгремит последний выстрел, вернутся жители, войдут в свои дома — и жизнь потечет своим чередом, как и прежде.

12 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Вернулся из гаубичного полка, где ночевал в блиндаже с пятью толстенными накатами. Побывал на батарее знаменитого Зайцева. Это молодой, двадцатилетний парнишка, московский десятиклассник. Свой расчет сколотил крепко. Все у него как у доброго хозяина. Гаубица упрятана в котлован, где все начищено. Расчет полностью взаимозаменяем: три наводчика, один лучше другого. Перед землянкой надпись: «Вытирай ноги». Воронички пришивать обязательно, сапоги чистить — тоже. Зайцев говорит, что не любит применять дисциплинарные взыскания.

Они с Урала получили подарки. Каждый на посылку ответил письмом, и завязалась переписка. Наводчик Чураев даже влюбился в какую-то дивчину, даже просит, чтобы прислала фотографию. Зайцев мне показал ответное письмо от какой-то учительницы. Высокопарный тон, длинные периоды, восклицательные знаки!

— Не нравится мне это как-то, — говорит он чисто-сердечно, — не по-людски написано.

По ночам Зайцев читает своим ребятам Лермонтова. Два томика случайно куплены во втором эшелоне и очень

На одной из улиц города я увидел целехонький ларек «Минводь». За стеклом виднелись новенький сатуратор и никелированный насос. На стойке стояли две пивные кружки, причем одна из них наполовину наполненная пивом.

пригодились. Особенным успехом пользуется «Бородино».

14 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Доброе весеннее утро. Я в командировке в редакции гвардейской газеты «Знамя Победы». Голубое акварельное небо. Проснулись все рано и в отличном настроении. Миша Левин — замечательный парень. Он теперь уже в командирском звании. Сидит напротив, сочиняет статью...

Люди в редакции разные. Служит здесь Вадим Шефнер, блестяще талантливый парень, хотя чудаковат и вид у него, как у ударенного пыльным мешком.

Хорошее впечатление производит и Крашеч, отличающийся своей гвардейской выправкой. Я с ним познакомился только вчера, но кажется, что знаю его давным-давно.

Вчера объявлена подписка на военный заем 1942 года. Сумма внушительная. Судя по тому, какие первые отклики, заем в Красной Армии пройдет с огромным успехом. Красноармейцы подписываются на сто рублей, это почти годовой оклад. Денег у народа много, девать их некуда. Заем — самое подходящее место. В редакции состоялся краткий митинг, и подписка закончилась молниеносно. Я подписался по телефону на тысячу рублей...

Завтра в Ленинграде должен пойти трамвай. На первое время пять маршрутов. Радостное событие.

Ариф Сапаров коллекционировал блокадные плакаты.